

Такие мелочи трудно объяснить, и Сун Цинчжи не собирался этого делать. Он лишь бросил взгляд на Бай Сы, чувствуя легкое раздражение, и указал на шкаф в углу:

— Там есть еда.

На лице Сун Цинчжи не было никаких эмоций, но Бай Сы почему-то почувствовал, что он улыбается.

Бай Сы подошел к шкафу, неуверенно посмотрел на Сун Цинчжи и открыл дверцу. Молоко, галеты, саморазогревающийся обед с говядиной... все это было питательными полуфабрикатами, многие из которых даже в больших магазинах не найти.

Бай Сы:

«...»

Слухи были правдивы: если наладить отношения с аграрным институтом, можно не беспокоиться о еде целый год.

Сердце Бай Сы было разбито, но он решил быть сильным.

Взяв один саморазогревающийся обед с говядиной, он спокойно закрыл дверцу.

Этот саморазогревающийся обед был прост в использовании, но, поскольку его разработали в аграрном институте, упаковка была минималистичной, без дизайна и инструкций для потребителей.

Бай Сы никогда раньше не пробовал такого и не знал, как его готовить. Он прислонился к лабораторному столу и начал активно разбирать упаковку, но когда собирался открыть нагревательный пакет, чья-то рука остановила его.

Сун Цинчжи, держа Бинго на руках, слегка нахмурился:

— Его не нужно открывать, просто добавь воды.

Сун Цинчжи уже отнял руку, говоря это, и выглядел спокойным. Бай Сы с досадой пошел за водой, но его внимание все еще было приковано к тому месту, где Сун Цинчжи его коснулся, словно там осталось его тепло. Вдруг он услышал:

— Ты хочешь обжечься? Не наливай горячую воду.

Бай Сы поспешно отстранился, и несколько капель горячей воды попали на край упаковки. Он с недоумением спросил:

— Что это?

— Негашеная известь.

Сун Цинчжи повернулся к лабораторному столу, вымыл чашки Петри и снова взял немного лапши. Бинго, обнимая шею Сун Цинчжи, спокойно сказал:

— Нельзя, чтобы она попала в глаза, будет больно.

Бай Сы:

«...»

Он, конечно, знал, что негашеная известь выделяет тепло при контакте с водой. Просто он никогда не пробовал саморазогревающихся обедов. Он никогда не заботился о еде.

С обидой взглянув на спину Сун Цинчжи, Бай Сы продолжил наливать холодную воду, и обед начал нагреваться. Пока все было спокойно, он поставил его на лабораторный стол и молча встал рядом, загораживая свет.

Сун Цинчжи не повернулся, но краем глаза заметил обед и вдруг отодвинулся:

— Отодвинь его подальше, а то взорвется.

Бай Сы только что сел, но, услышав это, резко встал, схватил обед и отнес его в самый дальний угол. В этот момент обед уже начал булькать, и Бай Сы дрожащим голосом спросил:

— Может, выбросить его?

Его сердце замерло, но он не хотел показать свою трусость. Верхняя часть его тела наклонилась к спине Сун Цинчжи, а нижняя оставалась на почтительном расстоянии от обеда, словно он был кривым деревом, растущим вбок.

Он украдкой посмотрел на Сун Цинчжи и заметил, что его губы слегка приподнялись, а Бинго, удобно устроившись на руках у Сун Цинчжи, смотрел на него.

Бай Сы спросил:

— Вы двое смеетесь надо мной?

Бинго ответил:

— Негашеная известь не взрывается, это сера взрывается. Поэтому папа не разрешает мне играть с фейерверками.

Бай Сы:

«...»

Значит, магниевая лента просто безопаснее.

Сун Цинчжи сжал губы, и уголки его рта поднялись еще выше.

Сун Цинчжи не знал, что Бай Сы прятался в комнате. Он провел с Бинго время на улице, чтобы тот мог вдоволь наиграться, и не хотел, чтобы он бегал и трогал все в лаборатории.

Бинго действительно спокойно лежал на руках у Сун Цинчжи, время от времени что-то говоря, его теплое дыхание касалось лица Сун Цинчжи, и он даже не удержался, чтобы не поцеловать его, оставив слюну на щеке.

Сун Цинчжи пришлось остановиться, чтобы вытереть лицо.

Отец и сын были заняты каждый своим, сидя на маленьком стуле, который время от времени скрипел. Бай Сы смотрел на это с тревогой, думая, что это настоящая угроза безопасности по сравнению с саморазогревающимся обедом. Он вытянул ногу, пододвинул стул к спине Сун

Цинчжи и сел на него, чтобы, если стул сломается, он мог стать стеной, которая поддержит их.

Саморазогревающийся обед наконец был готов. Он был жирным, острым и пряным, и аромат заполнил комнату. Бай Сы с детства не любил острую пищу, но не мог отказаться, ведь он был голоден, и это была еда, которую ел Сун Цинчжи.

Открыв коробку, покрытую каплями воды, Бай Сы попробовал кусочек. Мясо было неплохим, и он сразу же похвалил:

— Очень вкусно, давай поедим вместе.

У них была только одна пара палочек, и он, хихикнув, протянул самый большой кусок говядины.

Сун Цинчжи, не поднимая головы, сказал:

— Нет, и не давай Бинго, он сегодня уже много съел. Нужно сказать, что с тех пор, как он попал в семью Бай, его аппетит значительно вырос, и он поправился не на один-два килограмма. Сун Цинчжи даже немного беспокоился.

Бай Сы еще не успел убрать палочки, как Бинго уже открыл рот.

Бинго сидел на руках у Сун Цинчжи, опираясь на его плечо, и вытянул шею, как птенец, ожидающий кормления.

Мой сын, подумал Бай Сы, и забыл, что только что сказал Сун Цинчжи. Он протянул палочки и сунул кусок говядины в рот Бинго.

Было немного горячо, и Бинго глубоко вдохнул. Сун Цинчжи повернулся к нему. Бинго тут же серьезно сказал Бай Сы:

— Я не буду есть, не буду.

Бай Сы:

«...»

Сок все еще капал с твоего подбородка!

Сун Цинчжи, не будучи слепым, вытер лицо Бинго салфеткой и сухо сказал:

— Да, не ел, это он только что выплюнул.

Бинго хихикал, извиваясь на руках у Сун Цинчжи, а Бай Сы смотрел на это с раздражением, желая пощекотать его животик.

Бинго все же съел маленькую половину обеда, и Сун Цинчжи, боясь, что у него заболит живот от переедания, после завершения работы с данными провел несколько простых экспериментов, которые заставили Бинго задавать вопросы и смеяться, тратя много энергии. Ночь уже была глубокой, и он начал дремать на руках у Сун Цинчжи, моргая через большие промежутки времени.

Сун Цинчжи одной рукой убирал лабораторный стол, а Бай Сы не знал, как помочь, поэтому протянул руки, чтобы взять Бинго.

Бинго крепко обнял Сун Цинчжи, как маленький клешнями краба, и сонно пробормотал:

— Папа, я так скучаю по папе.

Сун Цинчжи поцеловал его в лоб и сказал Бай Сы:

— Я сам его понесу.

Бай Сы снова отошел в сторону, не зная, что делать.

Он с детства был человеком, который не замечал работы по дому, и никогда даже не складывал свою одежду. Теперь, видя, как Сун Цинчжи, держа Бинго, спокойно убирает, он почувствовал странное беспокойство, словно в конце Сун Цинчжи выгонит его, как мусор.

Кстати, мусор.

Бай Сы быстро схватил мусорный пакет из урны, словно это было его жизненное предназначение, и почувствовал облегчение.

Сун Цинчжи выключил свет и закрыл дверь.

Бай Сы хотел выбросить мусор в урну на лестничной площадке, но Сун Цинчжи остановил его:

— Не бросай в университете, сейчас никто не убирает. Выброси в мусорный бак на улице.

— Каждый день так?

Бай Сы был удивлен. От лабораторного корпуса до главных ворот было довольно далеко.

Бинго, сонный, но сильный, крепко обнимал шею Сун Цинчжи. Сун Цинчжи нес его, медленно идя к выходу из университета. Дул ветер, и он обернул голову Бинго половиной своего шарфа, связав ее с другой половиной на своей шее, чтобы они были связаны вместе.

Давно не чувствуя запаха отца, Бинго улыбался в полусне, бормоча «папа».

Бай Сы поехал выбросить мусор и, вернувшись, увидел улыбку Сун Цинчжи, которая была светлее лунного света этой ночи и еще более очаровательной. Он знал, что Сун Цинчжи был красивым, но чувствовал, что его привлекало не это, а желание быть рядом с ним и узнать его лучше.

Но он не знал, с чего начать.

Бай Сы остановил машину у обочины, и Сун Цинчжи открыл заднюю дверь, чтобы усадить Бинго в детское кресло.

Бинго, закрыв глаза и болтая ногами, упрямо не отпускал его, и Сун Цинчжи пришлось залезть внутрь, чтобы успокоить его:

— В следующий раз папа придет к тебе.

— Я не хочу следующего раза, — сказал Бинго.